

Михаил САДОВСКИЙ

Родился в городе Богородске Нижегородской области. Окончил историко-филологический факультет Нижегородского государственного университета им. Лобачевского. Преподаватель высшей категории.

Печатался в изданиях «Литературная газета», «Литературная Россия», «День литературы», альманахах «Академия поэзии», журналах «Нижний Новгород», «Невский альманах». Лауреат конкурсов «Стихия Пегаса», «В Единстве Духа». Автор книг «Жизнь», «Мы с тобой обнимались снами». Лауреат премии журнала «Нижний Новгород».

Живет в Нижнем Новгороде.

НАС ХРАНИТ ЛЮБОВЬ БЕЗОБМАННАЯ...

Неожиданная встреча с поэтом Александром Ткаченко

Александр Ткаченко (1945–2007) – поэт, генеральный директор Русского ПЕН-центра (1994–2007).

Родился в Симферополе в семье украинца и караимки. С 1963 по 1970 год играл за футбольные команды «Таврия», «Локомотив», «Зенит». Из-за тяжелой травмы оставил футбол и выступил на поприще литературы. Стал известен в одночасье – после статьи Андрея Вознесенского «Муки музы» в «Литературной газете». Автор 16 книг стихов и прозы. В качестве футболиста и поэта трижды посетил Нижний Новгород.

Как рыбак в ожидании поклевки
или форвард в предчувствии паса,
на просторах бурлящей Покровки
ты, вальяжный, беспечно пасся

в окружении журналисток,
что смотрели сверхвожделенно:
«Мы тебя любим, – писали их лица, –
свободы счастливый пленный».

Вместо «здравствуй», отринув «Бон-аква»,
словно код от некой игры,
я спросил, очевидно сверхнагло:
Саша, чей Крым?

И прищур мудровато-узкий
караимо-украинской грусти

произнес по-актерски, с паузой
(звучал мотив отдаленный Паулса):
«Русский!»

И никто не придал значенья
слову пророческому Ткаченко.
Но рождалась средь литкарнавала
дружба почвенника и либерала...

Где ты, Саша, в каких просторах?
Но тебя уже не воротишь...
В чьих штрафных ты наводишь шорох,
бьешь нацеленно по воротам
или, как замаливают грехи,
забредя в храм поэзии – мастерскую,
исступленно читаешь стихи?

.....
Русский Крым по тебе тоскует!

2014, апрель

Разговор с современником

*Пушкин... это русский человек в его развитии,
в каком он... явится чрез двести лет.*

Н.В. Гоголь

Александр Сергеевич, разрешите представиться.

В.В. Маяковский

Александр Сергеевич, Вы мой современник,
не говорил я с Вами глаза в глаза,
но тем не менее
Гоголь пророчески предсказал...

Александр Сергеевич, на Вас досье имеется.
Первоклашки твердят без запинки
«Памятник». Это наша современница
к Вам торит самозабвенно тропинки.

Мы в Михайловское едем и Болдино...
Не иссякнет – веско скажет любой
(ведь вовеки любима Родина) –
словно к Родине, к Вам любовь!

Александр Сергеевич, мой современник,
живем ради денег, а не за страх.
Нет у современника нынче денег,
живем, точно Пушкин, все мы в долгах.

Александр Сергеевич, мы терпение взяли на щит...
Ну о чем загрузили, о чем Вы?
Жмет и оттого в плечах трещит
тулупчик заячий Пугачева.

«От кризиса клонится даже башня в Пизе», –
телек вещает, словно бог Озирис,
но страшнее всех финансовых кризисов
духовный кризис!

Не потому ли требует исповеди
священная наша душа,
из-под компьютера стихи льются искренние,
а не пера гусяного или карандаша.

Александр Сергеевич, Вы нам подмога,
мы с «Телегой жизни» шагаем в булочную.
Александр Сергеевич, это уже не Гоголь:
Вы – человек-будущее!

И пускай впереди будут наши победы,
а Третьим Римом правит криминал...
У каждого времени свои поэты,
но есть поэты
на все времена!

Александр Сергеевич, пусть кому-то и не понравится...
Александр Сергеевич, Вы свой, в доску...
Александр Сергеевич, разрешите представиться...
Садовский.

Элегия

Позвоню с городского на сотовый,
потом с сотового на городской.
В одиночества час высокий
я сумерничаю с тоской.

Я сумерничаю, сумерничаю...
И пойму вселенной изъяны.
А душа моя мечется, мечется,
словно пёс, потерявший хозяина.

В одиночества час высокий
я сумерничаю с тоской...
Позвоню с городского на сотовый,
потом с сотового на городской.

Нижегородский откос

Анастасии

Что ты нюнишь, глаза опухли от слез:
«Жизнь пошла под откос... жизнь пошла под откос...»

Обниму тебя, милая («выше нос!»):
мы идем на спасительный наш Откос.

Мы живем здесь. Здесь предки жили...
И откроется нежный окоем русской шири.

И откроется красота запредельная...
А река задрожит – как мурашки на теле.

Засияют глаза синевой вольной Волги.
(Для чего нам досужие кривотолки?!)

Теплоход плывет, словно кадры кинокартины...
В тишине растворяется белым облаком дивным.

Льется необъятная красота Заречья,
прелесть неизбывная русской речи...

И вдохнем вешней пьянящей свежести...
(Ощути – пусть на миг! – дыхание Вечности.)
И пронзит несуетная тишь теплохода –
до счастливой слезиночки жить охота!

Компьютеры зависают

Фашисты кликушествуют –
антифашистами.

Уход в себя называется танцами.
Легкодоступная, светлая и пушистая,
на элитной выставке-презентации
фотографируется с Никасом Сафроновым.
Идеалы словно иконостасы уронены
или словно ваза хрустальная.
Репрессированные славословят Сталина.
О святом рассуждаем всеу.
Почему нас вопросы мучают
«отчего», «почему», «зачем»?
Почему вдруг самая лучшая
на шоссе в отчаянии голосует?!
Время, дай выплакаться у себя на плече...
Ближе Кстова стал штат Коннектикут,
а послушать стихи некому.
И никак не пойдем, отчего
живет в отрыве от сердца чело...
Компьютеры от наших вопросов зависают.
Ищем ответы в телешколе «Вести»,
но знают ли всезнайки ответы сами?

А в небесах
самолетика православный крестик.
инверсионный след,
словно серебряная цепочка.
Безмолвствует (Пушкина вспомним!) поэт.
Отправлена Богу почта.

Выставка
детского
рисунка
целительные
являет
свойства!

На выставке детского рисунка
поют-заливаются соловьи
так, что даже самая несчастная скука
не воет – счастью радуется и любви!

Будущего политики, архитекторы неба,
открыватели новых вселенных!
Отринуты постулаты «Зрелищ и хлеба!»...
Кроме Чуда, всё параллельно.

Ах, это чудо, удивления чудо –
вечное
ангельское
сердечко!

Не пройдет мечта, как простуда,
на полет не накинуть уздечку!

Удивления счастливого слезы...
Удивленья понять попытайся:
Родина, синее небо, березы
И – полет
улетной
фантазии!